

Впрочем, куда сильнее Чэн Жань была потрясена семья Нин. За последние несколько минут событий произошло слишком много. Сначала Лу Вэйлань заявил, что виновник аварии — Су Минсы, но не успели они осознать это, как трое членов семьи Лу в один голос твердили, что Вэйлань просто пытается переложить вину на брата. Родственники девушки, никогда не видевшие подобных сцен, замерли в немом изумлении.

Поскольку интерес к делу о наезде не утихал, у дверей палаты постоянно дежурили любопытные. К тому же семья Лу намеренно распространяла видео своих визитов в сеть, поэтому в коридорах ошивались стримеры. Как только Лу Вэйлань появился на этаже, эти люди, почуяв запах жареного, тут же столпились у порога с камерами наперевес. Даже попытки родственников Нин Синчэнь прогнать их не увенчались успехом.

И развитие событий их не разочаровало. Сюжетные повороты следовали один за другим, становясь всё более захватывающими.

— Лань Лань, неужели я тебе больше не мать? — глядя на разочарование в глазах сына, Чэн Жань не могла скрыть скорби.

Лу Сяочжи тоже понял, что сегодня Лу Вэйлань, похоже, твёрдо решил пойти на разрыв. Почувствовав неладное, он помрачнел:

— С тех пор как Минсы вернулся, ты превратил жизнь дома в сущий ад. Сколько ещё ты собираешься бунтовать?

— Бунтовать? — Сяо Ци горько усмехнулся. — Вы с детства твердили мне: хочешь чего-то — бери. Дети семьи Лу не идут на уступки, не терпят обид и не склоняют голову. Я так и рос. Ровно до того дня, когда впервые в жизни решил подчиниться. Я был послушным! Я отдал свою спальню Су Минсы. Я даже съехал из дома, оставив всё в его распоряжении! Вы твердили, что он натерпелся в семье Су, и теперь он — мой второй брат! Он отнял у меня родителей, лишил внимания старшего брата, а я ещё должен называть его «гэ»?

Лицо юноши исказилось от боли, куда более глубокой, чем та, что изображала Чэн Жань. В глазах заблестели слёзы, но он упрямо не давал им упасть.

Сидящий в стороне Су Минсы мрачнел с каждым словом. Всё, что говорил Лу Вэйлань, было правдой, но с существенными оговорками. Спальню тот действительно уступил, но перед этим разнёс её в щепки. Из дома тоже съехал, но жил там в своё удовольствие, ни в чём себе не отказывая. Однако из уст оппонента всё это звучало так, будто его жизнь превратилась в череду лишений и страданий.

Чувствуя, что почва уходит из-под ног, Су Минсы не собирался сидеть сложа руки.

— Я и не знал, что моё возвращение причинило тебе столько боли, — произнёс он с напускной горечью. — Я никогда не хотел ничего отнимать. Я просто... я просто мечтал о семье. Вэйлань, если всё это время ты был под таким давлением... Думаю, мисс Нин не станет тебя винить...

— Замолчи! — оборвал его Лу Вэйлань. — Мне плевать, чего ты там хотел, я сужу по твоим поступкам! С долгами семьи Су я бы ещё мог смириться — считай, я бы просто их вернул. Но заставить меня, Лу Вэйланя, отвечать за твои грехи? Ни за что! Хочешь втоптать меня в грязь — изволь, но будь готов, что я утяну тебя следом.

Вспышка ярости в глазах юноши пугала. Отчаяние человека, которому нечего терять, было почти осязаемым. Эта мощная эмоция передалась не только присутствующим в палате, но и зрителям по ту сторону экранов.

«Черт, я почему-то начинаю ему верить...»

«Если это игра, то Лу Вэйлань — гений. Ему в актёры надо, а не в прожигатели жизни».

«И всё же, слова троих членов семьи Лу звучат убедительнее, чем актёрское мастерство одного человека».

«Я в замешательстве. У него слишком пугающий взгляд».

«Да вы просто флюгеры! Забыли его прошлые "подвиги"? Всех вас он обвёл вокруг пальца, это просто новая, более продвинутая версия вранья».

«Пока не увижу железных доказательств — не поверю!»

В сети воцарился хаос. Кто-то твёрдо стоял на своём, кто-то поддался эмоциям Лу Вэйланя, одни восхищались его игрой, другие пытались выстроить логическую цепочку и докопаться до истины.

В палате надолго повисла тишина. Наконец Су Минсы горько усмехнулся:

— Если это поможет тебе успокоиться... пусть будет так. Считайте, что человека сбил я. У меня никогда не было семьи, и когда я узнал, что она у меня есть, я слишком спешил стать её частью. Прости, что не учёл твоих чувств.

Договорив, он покорно опустил голову. Каждая черта его облика лучилась невыносимой усталостью и печалью.

Семья Нин: «???»

Пользователи сети: «???»

Черт побери, да они там один другого краше! Кому верить — непонятно. Эта семья Лу что, филиал академии театрального искусства?

Лу Сяочжи словно постарел на десять лет. Он бессильно махнул рукой:

— Я понимаю, что в последнее время тебе пришлось нелегко. Но запомни: и ты, и Минсы — дети семьи Лу. Мы несём ответственность за всё. Раз твой брат готов взять вину на себя — пусть будет так. Наши извинения не станут менее искренними от того, кто именно сидел за рулём.

Чэн Жань, чьё лицо уже давно было мокрым от слёз, кивнула и подошла к кровати больной.

— Синчэнь, прости, что тебе пришлось стать свидетельницей этого позора. Чья бы ни была вина — это вина нашей семьи. Поправляйся, мы обо всём позаботимся. Мы в ответе за тебя до самого конца.

Су Минсы, не поднимая головы, лишь внутренне усмехнулся.

«Старый лис всегда найдёт лазейку»

Теперь, как бы ни бесновался Лу Вэйлань, дело будет закрыто без лишнего шума. И что важнее — тот останется привязан к семье. Чем больше компенсация Лу, тем крепче узы, от которых ему не удастся избавиться.

Толпа у дверей тоже почувствовала разочарование. Похоже, на этом всё и закончится. Семья Лу умело разыграла карту: и подозрения с Вэйлани сняли, и благородство Минсы подчеркнули, и репутацию ответственных людей сохранили.

Однако не все желали, чтобы эта история закончилась столь двусмысленно.

Нин Синчэнь перевела взгляд с Су Минсы, чей облик лучился кротким прощением, на Лу Вэйлани, застывшего в гневе и разочаровании. И вдруг она расхохоталась. Смех был внезапным, резким и надрывным — до слёз.

Все присутствующие в палате оцепенели, не понимая, что происходит с девушкой, которая все эти дни была тише воды, ниже травы. Неужели психика не выдержала?

Её брат, Нин Синъюнь, скромный и доселе молчаливый человек, бросился к ней:

— Синчэнь, что с тобой? Тебе плохо? Где болит?

Девушка с трудом перевела дыхание и, вытирая слёзы, выдохнула:

— Хорошо... мне так хорошо! Мне за все эти дни не было так легко, как сейчас.

Нин Синъюнь не на шутку испугался, уже собираясь звать врача, но Синчэнь внезапно вскинула руку и указала на Су Минсы:

— Если это ты меня сбил, но подставил Лу Вэйланя... Знай: с его характером, даже если ему придётся пойти на дно, он не даст тебе жизни!

Затем она резко развернулась к Сяо Ци:

— А если это всё же был ты, то знай: в чаше терпения твоей семьи уже пролегла трещина. Когда она разобьётся, тебя заменят тем, кого ты ненавидишь больше всего.

Затем её палец переместился на Чэн Жань и Лу Сяочжи:

— А что до вас... Кажется, в вашей семейке, кроме этого Лу Синчжи, нет ни одного нормального человека. С таким подходом ваш дом обречён на раскол. Не так-то просто усидеть на двух стульях! Знаете что? Я больше не хочу умирать. Я буду жить! Буду жить долго, чтобы своими глазами увидеть, как ваша семья разлетается в щепки!

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Никто не ожидал, что в этом хрупком теле таится такая буря. Жертва аварии, всегда казавшаяся кроткой и беззащитной, наконец нашла в себе силы для протеста.

Даже искушённый в делах Лу Сяочжи помрачнел, услышав столь откровенное проклятие. С лица Чэн Жань вмиг сошла маска материнской любви, а кроткая мина Су Минсы застыла. Причина была проста: каждое слово этой слабой девушки било точно в цель, словно гвозди, вбитые в уже наметившиеся трещины их благополучия.

Нин Синчэнь с наслаждением наблюдала за их реакцией. Но когда её взгляд упал на Лу Вэйланя, она осеклась. В его глазах не было ни гнева, ни холода, ни отторжения. Напротив, он улыбался.

Лу Вэйлань улыбнулся впервые с того момента, как вошёл в палату. Его улыбка была тёплой и искренней.

— Это, пожалуй, лучшая новость за сегодня, — произнёс он.

«Если эта девушка не покончит с собой, как в оригинальном сюжете, то это и впрямь прекрасная новость»

Нин Синчэнь долго молчала, а затем её психологическая защита рухнула. Сдерживаемое всё это время напряжение наконец нашло выход. Крупные слёзы градом покатались по щекам, и она зарыдала в голос, захлёбываясь и невнятно выкрикивая:

— Брат... я буду жить... я... я буду жить хорошо. Я проживу очень долго...

Нин Синъюнь обнял сестру, его глаза тоже повлажнели, но в душе воцарился покой. Он чувствовал: с самого момента аварии в ней копилась горечь, которую она не могла выплеснуть, как ни старалась. Все эти дни он жил в постоянном страхе, что она решится на непоправимое. Теперь же, глядя на эти слёзы, он наконец почувствовал облегчение.

Когда Нин Синчэнь немного успокоилась в объятиях брата, она огляделась — в палате уже никого не было. Глянув на часы, она поняла, что проплакала довольно долго. Уткнувшись носом в рубашку Нин Синъюня, она приглушённо пробормотала:

— Брат, я думаю... это не Лу Вэйлань меня сбил.

— Знаю, — коротко ответил он, погладив её по голове.

Он тоже наблюдал за этим фарсом семьи Лу. Первую, подсознательную реакцию человека подделать невозможно. И когда сестра произнесла ту обличительную речь, только Лу Вэйлань искренне за неё порадовался. Так же искренне, как радовался сам Нин Синъюнь.

<http://bllate.org/book/15806/1427973>